



Книги Евгения Красницкого  
в серии  
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ  
БОЕВИК**

**ОТРОК. ВНУК СОТНИКА**  
**ОТРОК. БЕШЕНЫЙ ЛИС**  
**ОТРОК. ПОКОРЕННАЯ СИЛА**  
**ОТРОК. БЛИЖНИЙ КРУГ**  
**ОТРОК. СТЕЗЯ И МЕСТО**  
**ОТРОК. БОГАМ — БОЖЬЕ, ЛЮДЯМ — ЛЮДСКОЕ**  
**СОТНИК. БЕРУ ВСЕ НА СЕБЯ**  
**СОТНИК. НЕ ПО ЧИНУ**

В соавторстве с Еленой Кузнецовой  
и Ириной Град

**ОТРОК. ЖЕНСКОЕ ОРУЖИЕ**  
**ОТРОК. БАБЫ СТРОЕМ НЕ ВОЮЮТ**





ФАНТАСТИЧЕСКИЙ  
БОЕВИК

---

ЕВГЕНИЙ КРАСНИЦКИЙ

# СОТНИК. НЕ ПО ЧИНУ



РОМАН

Москва, 2014  
**САРМАДА**  
&  
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5  
К78

Серия основана в 1992 году  
Выпуск 907

Художник  
**И. Воронин**

**Красницкий Е. С.**  
К78 Сотник. Не по чину: Фантастический роман. — М.:  
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 377 с.: ил. —  
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1775-9

Общеизвестно, что управленец должен управлять. А что делать, если он сам оказался в положении управляемого? Что делать, если перед ним — управленцы более высокой квалификации, если они обладают реальной властью, а главное, информацией, которой не спешат делиться? Ответ, как это ни банально, все тот же — продолжать управлять. Тем более что события вынесли Мишку на новый, более высокий уровень, где и риски, и ставки гораздо больше, чем раньше, и где не сразу поймешь, в выигрыше ты или в полном провале. Впрочем, хороший управленец умеет любые провалы превращать в будущие победы, а на ошибках не только учится, но и оборачивает их к своей выгоде.

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1775-9

© Красницкий Е. С., Кузнецова Е. А.,  
Ирина Град, 2014  
© Художественное оформление,  
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

*Авторы сердечно благодарят за помощь и советы своих помощников-ридеров: Дениса Варюшенкова, Юлию Высоцкую, Сергея Гильдермана, Геннадия Николайца, Юрия Парфентьева, Павла Петрова, а также пользователей сайта <http://www.krasnickij.ru>: deha29ru, Andre, Дачник, BLR, Ульфхеднар, Потоп, leopard, Скиф, Marochka77, Laguna, arh\_78, sanyaveter, nekto21 и многих, многих других.*

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Евгений Сергеевич Красницкий ушел из жизни 25 февраля 2013 года. Для родных и друзей его неожиданная смерть стала тяжелым ударом, а для многочисленных читателей — не менее тяжелой потерей: Евгений Сергеевич не успел закончить вторую книгу из цикла «Сотник».

Во время работы он подолгу в подробностях обсуждал с нами будущее не только «наших» героинь, но и всего созданного им мира. У нас остались все материалы, над которыми он работал, и многочасовые аудиозаписи разговоров, в которых он рассуждал, размышлял, мечтал о будущем мира Отрока, как ближайшем, так и отдаленном. Оставить это все на память, мертвым архивным грузом было бы предательством памяти потрясающего человека, с которым нам посчастливилось встретиться — чуткого друга и мудрого наставника. Мы сделали единственное, что могли в такой ситуации, — продолжили писать историю Мишки Лисовина дальше.

Да, это оказалось непросто. Трудно писать за него то, что мы сами хотели бы только читать, но бросить работу на полпути, похоронить целый мир, обмануть надежды читателей, принявших и полюбивших героев серии, было бы еще тяжелее.

Мы закончили недописанную книгу и намерены продолжить работу дальше, потому что история Михаила Андреевича Ратникова — Мишки Лисовина и всех, кто волей

автора оказался так или иначе связан с ним, на этом не заканчивается. Евгений Сергеевич часто повторял: нельзя сохранить что-либо в покое; любая остановка — это неизбежный откат назад, то есть, в конечном итоге, гибель. Он очень хотел, чтобы его мир не просто продолжал жить, но и развивался дальше, чтобы другие люди находили в нем что-то важное для себя и становились новыми соавторами. При его помощи, с его благословения еще при его жизни начаты несколько межавторских проектов по миру Отрока, и мы надеемся со временем донести эти книги до читателей, чтобы они увидели созданный Евгением Сергеевичем мир таким, каким он сам хотел его видеть.

*Елена КУЗНЕЦОВА, Ирина ГРАД*

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

### ГЛАВА 1

— Да пойми ты, дядька Егор, нет у них резона пленников убивать! Заложники — их единственная надежда хоть что-то у нас выторговать. Ну как тебе еще объяснить? Молодость свою вспомни, неужто ни разу не приходилось за пленных выкуп получать? Ведь приходилось же? Ну, так представь себя на их месте: оружные и доспешные пришли спасать пленных, а у тебя сил не хватает, чтобы отбиться, и возможности уйти нету. И что? Начнешь пленных резать? Да? А потом тебя самого... и уйдешь на тот свет с невинной кровью на совести. Там ведь и дети есть. Это тебе как? Сильно завлекательно?

Уже битый час Мишка пытался убедить Егора в своей правоте и чувствовал, что упирается в какую-то мягкую стену: Егор вроде бы и не отвергал Мишкиного предложения, но и не соглашался с ним, находя все новые и новые возражения не то чтобы по делу, а разные вариации тезиса «что-то сомневаюсь я». Мишка еще понял бы, если бы повторялась история с дезинформацией полочан, осаждавших Пинск, — тогда десятник Старшей дружины погорынского воеводы просто не находил аналогов в собственном жизненном опыте; но поверить в то, что в биографии Егора не случилось взятия или освобождения пленников, никак не мог.

Добро бы еще Егор пытался рассмотреть самые разные варианты развития событий или цеплялся к мелочам, стараясь найти слабые места предлагаемого плана и предусмотреть всякие неожиданности. Так ведь и этого не было!

Десятник не то тупил, не то пытался заболтать вопрос, не доводя дела до принятия решения — поведение, совершенно для него нехарактерное!

Список странностей, несообразностей и прочих непоняток, связанных с пленением семьи князя Городненского, и без того разросся до совершенно неприличных размеров, а тут еще и Егор...

Шли уже третьи сутки, как Трофим Веселуха вывел десяток разведчиков туда, где похитители держали княжескую семью. Место оказалось каким-то несуразным: не хутор, не малая весь, а отдельно стоящий недалеко от берега реки дом. Мишке при взгляде на него вспоминались описания «длинных домов» скандинавов или построек древних славян, в которых жили одновременно все семьи одного рода. Здание очень большое по площади и очень старое, на треть, если не больше, погруженное в землю; с крышей, настолько заросшей мхом, что даже непонятно, чем она покрыта. Когда-то вокруг дома имелась ограда — не тын, а что-то другое, но по гнилым пенькам, оставшимся от врытых в землю столбов, уже невозможно понять, что именно.

На самом берегу, частью из воды, частью из песка торчали остатки свай; видимо, когда-то здесь был устроен причал. Сама речка, как говорится, доброго слова не стоила — уже Пивени, но как раз в этом месте она разливалась широким плесом, густо заросшим камышом, из-за которого от другого берега, где и проходило главное русло, дом с воды не проглядывался.

В общем, впечатление у Мишки сложилось какое-то странно-тревожное; будь это в другом веке, он бы, пожалуй, определил это место как брошенную по каким-то причинам базу контрабандистов, но сейчас, когда никаких внятных границ между княжествами не существовало... Непонятно, одним словом.

Вообще, многое тут было непонятно, начиная с самого захвата княжеской семьи. Ну, невозможно подгадать и



провести операцию почти одновременно с началом грозы. Хорошо Егору — объявил это колдовством, и вроде как все стало ясно. Мишку это объяснение не удовлетворяло совершенно. Какие бы чудеса ни демонстрировали ему Ниня, Аристарх, Настена, за всем этим стояло лишь изощренное воздействие на психику аудитории или отдельного «пациента», а «повелевать стихиями»... Глупость, одним словом.

Получается, что использование погодных условий для захвата и прорыва вверх по течению — экспромт? И это в такой серьезной военно-политической операции? Бред! Откуда здесь взялась боевая ладья? Ждала? Но в таком случае прорыв вверх по течению — не экспромт, а действия по плану.

Вопросы, вопросы... А ответов нет. Вплоть до того, что совершенно непонятно, в чьих руках сейчас находится семейство князя Городненского — ляхов, полочан или еще кого-то?

Если похитители ляхи, то с чего они поперлись по Неману вверх? Если полочане, то почему сидят здесь, а не уходят на земли Полоцкого княжества? И почему они вообще сидят на малом притоке Немана, не так уж далеко от Городно, рискуя тем, что их обнаружат?

Все это ни в коем случае не получалось интерпретировать как набор неких случайностей. Был, был во всем происходящем какой-то смысл, какая-то причина, заставившая события развиваться именно так, а не иначе, но Мишке никак не удавалось, даже приблизительно, этот смысл уловить. Это тоже вызывало тревогу, причем нештучную, поскольку при попытке освобождения княжеского семейства дело придется иметь с очень серьезными людьми: кому попало такие операции не поручают.

Яков и Веселуха лишь подтвердили Мишкины опасения. Аргументация разведчиков оказалась, что называется, убойной. Дом на первый взгляд выглядел совершенно необитаемым: днем никакого движения или шума. Трава вокруг дома казалась нетронутой, хотя Яков и утверждал, что ходят, но так, чтобы не натоптать; ни на полянке, ни в

лесу ни малейших следов отходов, которые неизбежно накапливаются в том месте, где в течение какого-то времени проживает группа людей. Значит, все тщательно собирают и куда-то уносят. Огонь для тепла или приготовления пищи в доме разводят только по ночам; как раз по запаху дыма Веселуха на это место и вышел.

Дозоры стоят выше и ниже по течению, причем довольно далеко от дома — Яков засек дозорного еще и на противоположном берегу реки. Веселуха его не видел, но с Мишкиным урядником спорить не стал. А возле дома никого! Правда, тот же Веселуха утверждал, что в лесу и на этом берегу стерегут: слышал ночью, как проходила смена, но найти секрет не смог. То ли его местоположение менялось, то ли дозорные сидели на деревьях, а в таком случае легче самому попасться, чем их обнаружить.

Малую ладью, отбитую у городненцев, и прогулочную ладью княгини Агафьи похитители спрятали ниже по течению, причем ладью княгини вытащили на берег, а малой ладьей, видимо, пользовались для смены караула и других надобностей. Вот большую боевую ладью, о которой рассказывал Ерофей Скука, обнаружить так и не удалось, что тоже наводило на очень нехорошие мысли.

Получалось, что неизвестные пока тати, захватившие княжеское семейство, держали ладью княгини в качестве приманки (да и то неявной, ее еще найти надо); большую ладью с экипажем — в качестве резерва и основной ударной силы, а «добычу» спрятали так, что, даже обнаружив основную отряд, главную свою задачу спасательная экспедиция все равно не решала. Похитители же могли либо победить спасателей в открытом бою, либо заманить в засаду, как один раз уже получилось с городненцами; а если противник окажется не по силам, могли и уйти, но так, чтобы за ними гонялись вовсе не там, где находилось княжье семейство.

Веселуха обнаружил место содержания княгини с детьми лишь потому, что умел вести поиск в ночном лесу — умение, прямо сказать, редкое, да и то сначала требова-

лось довести себя до состояния «либо добиться своего, либо умереть».

Все это говорило только об одном: делом заправляют ребята серьезные. И считать все кажущиеся непонятки и неувязки исключительно их проколом или результатом поспешных и непродуманных действий — верх идиотизма и самонадеянности.

*«Вот именно, сэр! Если противник не дурак и не дилетант — а поводов считать его таковым у вас нет, и если его поведение непонятно, то пока вы не поймете, хотя бы примерно, с чем дело имеет, извольте, как будут изящно выражаться в некоторых кругах во времена вашей будущей-прошлой жизни, прикинуться ветошью и не отсвечивать. А то в один не особенно прекрасный момент все эти кусочки пазла сами собой в такую занятную картинку сложатся — костей не соберете.*

*Ну-с, сэр Майкл, и каковы будут версии? Что с того, что вы о работе спецназов да спецслужб мало знаете? Книжки детективные почитывали, фильмы посматривали... не одно же там вранье было! Нынче-то вы как раз спецназом и командуете, хотя и не высшего, мягко говоря, сорта. Так что будьте любезны соответствовать. Положение, как вы давеча изволили выразиться, обязывает. И уж если в специфике работы спецназеров не разбираетесь, так включайте управленческое мышление. Собственно, хороший командир — он управленец и есть, из этого и исходите...*

*Итак, что мы имеем?»*

В первую очередь требовалось прекратить списывать все непонятное на взаимодействие с нечистой силой или, еще хуже, на глупость противника; забыть про «стихийную» магию или кажущуюся тупость похитителей с сидением на месте, в то время как надо рвать когти. И это, и якобы изошренный садизм в отношении малых детей, одетых, чтобы спастись от жары, а сейчас уже сентябрь заканчивается, и по ночам холодно, — все это должно объясняться иначе, состыковываться одно с другим и укладываться в целостную и логичную картину.

Значит, никакой мистики с управлением погодой. Подвернулся случай, и серьезные мужики решили им воспользоваться. То есть заранее гроза в плане не задействовалась, но прекрасно в него вписалась, причем так, что получилась полная видимость, будто без нее задуманное и невозможно. Но это касается самого момента похищения, а дальше? Ведь не с кондачка они все это придумали. Значит, вначале предполагали справиться и без участия «небесных сил»? Потом на ходу план поменяли, подстраиваясь под грозу, и из-за этого пошли все дальнейшие нестыковки в сценарии, рассчитанном на совсем другое развитие событий.

*«Тогда, опять же с учетом профессионализма исполнителей, имеем два варианта: либо что-то пошло не так, и пришлось действовать экспромтом, либо имело место НАМЕРЕНИЕ сломать первоначальный план, и серьезные профи использовали появившуюся для этого возможность.*

*Второе. Долгое и вроде бы бестолковое сидение на месте, несмотря на риск. Мы с вами, сэр, уже договорились, что командир похитителей не идиот. Значит, ему НАДО сидеть!*

*Стоп! А если пребывание в этом доме — часть резервного плана? Вот так дело обернулось, что пришлось по каким-то причинам уходить вверх по Неману, и на этот случай была подготовлена стоянка в укромном месте... Ага! Это, кстати, объясняет и появление боевой ладьи. Помните, сэр, вы примерно о том же думали, когда анализировали налет на пинский речной порт? Значит, правильно думали.*

А если используют резервный план... Все равно, сидеть на месте, а не уходить куда подальше и побезопаснее — странно, если не сказать глупо. Разве что послали гонца и ждут указаний? Но это значит, что и резервный план пошел наперекосяк, и потребовалось согласовывать что-то с командованием... И уйти нельзя — гонец-то сюда же возвращаться должен.

А кроме того, уходить в другое место с таким «табором», как дети, мамки-няньки, которых надо кормить, устраивать в тепле.

*«Опаньки! Дети! То-то вас, сэр, все время что-то цепляло! Украсть просто княгиню — одно дело. Как сказал кто-то из великих: «Для претендующих на власть риск головой — естественное обстоятельство». А вот украсть княгиню с малыми детьми... Если с детьми что-нибудь случится, такого злодейства ни за что не простят!*

*Было, помнится, у Дмитрия Балашова в цикле «Государи московские» нечто на эту тему. На переговорах конфликтующих князей прозвучала фраза: «ВАШИ дети или ОБЩИЕ дети?»... что-то в этом роде. Балашов, надо полагать, знал, о чем пишет. Видимо, взрослые Рюриковичи могли хлестаться между собой сколько угодно, вплоть до смертоубийства, а дети, несмотря ни на что, считались общими — родовыми».*

В таком случае за гибель малолетних Рюриковичей на виновника ополчится весь род, позабыв на время внутренние противоречия. Покойный Мономах такого случая не упустил бы — любил и умел князюшка обличителем выступать, а сынок Мстислав не жиже папочки будет. Обязательно воспользуется случаем полоцких князей злодеями-детоубийцами выставить!

*«А вы-то, сэр, выдумывали, как полоцких князей союзников лишить... Кхе! Да они сами подставились. Вернее, исполнители подставили их так, что никаких врагов не нужно! И не важно уже, участвуют в этом мероприятии полоцкие или просто рядом стояли — все равно по уши в этом самом...»*

*Спокойно, сэр Майкл, спокойно... А не выдаете ли вы желаемое за действительное? Да нет, пожалуй. Вполне все может так и быть, вполне».*

Если первоначально целью похитителей была одна Агафья, а исполнители пожадничали или своим умом дошли, что через детей на Всеволода можно надавить сильнее, чем через жену? Тогда тот начальник, который принял похитителей в соответствии с резервным планом, получил на свою голову такой груз ответственности, на который никак не рассчитывал. Тут уж точно без цэу от руководства не обойдешься, а само оно от такого гемморроя на стенку полезет.

*«Ну хорошо, сэр, допустим, что тут вы угадали, но все равно непонятно, почему задействовали резервный план? Да, случай подвернулся, да, использовали его удачно, да, как заметил Пастер: «Случай благоприятствует подготовленным»...*

*Подготовленным! Вот оно! Значит, и в самом деле резервный план готовили заранее!*

*Так, так, так... А если те, кто ожидал похитителей ниже по течению Немана, об этом варианте не знали? Хе-хе, сэр Майкл, извините за вульгаризм, но кого-то тут, похоже, кинули. Все вместе подготовили, организовали, а потом одна группа заговорщиков другой группе показала в форточку известную часть тела. Ну прямо как домой вернулись, а, сэр? Нет, ну не меняется род людской, хоть ты тресни! Что ЗДЕСЬ, что ТАМ. Да и в библейские времена, судя по письменным источникам, тоже с кидаловом не стеснялись. Вот тебе, бабушка, и преемственность поколений! Темпора, конечно, мутантур<sup>1</sup>, а нам пофиг — ни хрена не меняйся! Интересно, кто кого кинул?»*

В деле явно участвовали поляки и полочане, но просто так, со стороны, все разузнать и подготовить невозможно. Хотя подозревать кого-то из приближенных князя или княгини вовсе не обязательно, достаточно купить или запугать какую-нибудь «Констанцию Бонасье» или «дворецкого Бэрримора» и получай все расклады: расписание княгини, количество сопровождающих, систему охраны, маршрут, время и все прочее, что требуется для похищения.

*«Ладно, со своими заговорщиками пусть городненцы сами и разбираются — не наша это задача, так что в детектива не играем, а вот в освобождение заложников из лап террористов — придется... Да не играть, а все всерьез.*

*О господи, опять: ди эрсте колонне маршрут, ди цвайте... и это — на всю оставшуюся жизнь! Назвался сотником, полезай... куда, собственно? Да куда угодно, в зависимости от ситуации — полезай, и все! Собственно, вы уже*

---

<sup>1</sup> От латинского *tempora mutantur, et nos mutamur in illis* — «времена меняются, и мы меняемся вместе с ними» (Овидий).

*влезли и даже устроились там со всеми удобствами. И никуда не денетесь — что ни говорите теперь, как ни крутите, а ровно с той самой минуты, как князюшка в ваших руках оказался, деваться вам некуда, так что пока наплюйте-ка на все иные расклады и приступайте к своим непосредственным обязанностям, господин сотник. Что у нас там по плану?*

*Нападать придется среди бела дня. Поскольку сменой караулов и хозяйственными делами они занимаются по ночам, то днем вполне могут быть сонными или вообще дрыхнуть. Нападение перед рассветом — это для приключенческих романов. Во-первых, часовые, если они профессионалы, а не сагаги-срочники, в это время бдительности не теряют. Во-вторых, роса — скользко, трава к обуви липнет, и нашу-меть можно запросто. В-третьих, все лесные шумы в это время как раз «выключены», так что любое шевеление тотчас порождает сакраментальный вопрос: «Кому не спится в ночь глухую?»*

*Далее... убрать дозорных в лесу. Легко сказать. Приучили киношники, понимаешь, к тому, что часовой — прямо-таки мальчик для битья, подходи и режь. Жизнь не кино, хороший, правильно несущий службу часовой, да еще по уму поставленный, не такая уж и легкая добыча. Как же это устроить-то? Ладно, подумаем еще, с Егором посоветуемся.*

*Потом надо как-то народ выманить на открытое место, под наши выстрелы. Ну, с этим относительно проще, слава богу, в учебной усадьбе отрабатывали. Алексей, помнится, удивлялся, зачем нам освобождению пленников обучаться, но потом согласился, что лишним не будет.*

*Теперь прикинем распределение сил. Десяток Якова занимается дозорными в лесу. Опричники — домом и заложниками. Остальные — в готовности к отражению подмоги.*

*Дозорного на противоположном берегу отловить, скорее всего, не удастся, даже и пробовать не стоит. Значит, весть подаст. Яков и Веселуха уверяют, что ниже по течению основных сил с боевой ладьей нет. Мало ли что они уверяют! С какой стороны придет подмога, по суше или по воде, наверняка мы знать не можем. Значит, основную*

свою ударную силу держим здесь, у дома, и, разумеется, скрытно.

*Хм, а кто князя-то с городненцами охранять останется? Эх, сколько ребят под Пинском потеряли! Уходило из Михайлова городка сто десять отроков, а сейчас осталось чуть больше шести десятков. Почти та самая половина! Значит, придется урезать группы... блин, тришкин кафтан. Якову оставляем шестерых. Опричники все здесь нужны, а охранять пленных тогда остаются полтора десятка.*

*Кого поставить над ними старшим? Опять Роську? Обидится — в пинский порт не взяли, теперь тоже. Демьяна? Объясним, что князь слишком ценная добыча, кому попало не доверишь. Уговорим, в общем. Хорошо бы еще кого-то из взрослых оставить, чтобы пацаны не лопухнулись. Хотя там же Илья, его на кривой козе хрен объедешь. И Антоху там же оставлю, «для массовости». Также обидится, но вот уж на фиг! Нечего ему здесь делать — еще полезет начальство грудью защищать».*

Вот этот-то план Мишка и обкатывал с Егором, потихонечку сатанея от того, что десятник вроде бы и не приводил серьезных аргументов против, но ни в какую не соглашался, постоянно демонстрируя какие-то смутные сомнения. Подмоги он почему-то не опасался, а сомневался в главной фазе операции, озвучивая самые мрачные варианты развития событий. То «перебьют всех заложников», то «затворятся в доме и будут заложников по кускам выкидывать, пока не отпустим», то «да не знаем мы, что там внутри, дом-то здоровенный», и прочее в том же духе.

Мишкину мольбу «просто поверить», как это было с фальшивой грамотой для пинчан, Егор тоже отмел:

— Там если бы и не получилось, то особого вреда не случилось бы, а здесь, если у тебя сорвется, так даже и думать неохота, что выйдет.

— Да уразумей ты, дядька Егор: если это для тебя непо-



нятно и удивительно, то и для них так же будет. Удивить — значит победить!

— Все равно! — Егор набычился, словно собирался бодаться. — Не можем мы знать наверняка, как они себя поведут. Удивятся или там не удивятся... а вот возьмут и... Тьфу, чтоб тебя! Говорил я это уже, а тебе что об стенку горох.

— Ну, хорошо. — Мишка предпринял последнюю попытку уговорить десятника: — А что бы ты сам в таком разе делал?

— Да не обещал бы того, чего сделать не могу! — перешел десятник на повышенный тон. — Ты со мной мог переговорить, перед тем как к князю переться? Совсем уж завеличался? Думаешь, если у тебя все задуманное раньше получалось, так и дальше пойдет? — Мишке показалось, что Егор сейчас схватит его за грудки и как следует потрянет. — А хрена не хочешь? Вот от такого величания люди и гибнут! И не только сами — своих ратников без толку кладут! За теми, кто недавно десятником стал, пригляд нужен даже больше, чем за новиками, а ты... — Егор вместо ожидаемой ругательной вставки хватанул ртом воздух, словно задыхался. — Боярич, в сотники заскочил... Скольких отроков уже угробили? Не наука тебе? Драть тебя кувыркать, вдоль и поперек, рожном, оглоблей, коромыслом и прялкой бабьей, во все дыры...

Егора, что называется, понесло, причем серьезно: в обычной ратнинской ругательной тираде начали проскакивать морские термины, какие-то непонятные Мишке слова, и даже прорезался псковский говор.

*«О, как его накрыло! Похоже, пиратская молодость наружу лезет».*

Постепенно в речи бывшего «джентльмена удачи» начали появляться и осмысленные словосочетания: «что я Корнею скажу?», «детей малых угробишь, недоносок», «что возомнил о себе?».

Мишка прямо-таки физически почувствовал, как откуда-то изнутри поднимается бешенство, со скрежетом

зубовным задавил его в себе (а так хотелось выпустить наружу!) и заорал в ответ:

— Да пошел ты! Не хочешь — обойдемся, сиди, пленных охраняй! Зассал, морской волк — грудь в волосах, жопа в ракушках? Так и говори!

— Что-о-о?! Да я тебя...

Мишка кувырком назад перешел из сидячего положения в стойку, уходя от протянутой к нему руки Егора.

— Антоха! Опричникам — к бою! Поручикам — всем сюда! Только шевельнись, козлодуй! — Последние слова Мишка, угрожающе покачивая кистенем, адресовал начавшему подниматься на ноги Егору. — Не успеешь...

— Михай... — Неизвестно откуда появившийся Арсений осекся, уставившись на направленный ему в грудь самострел Антона.

Егор легко, словно играючись, ушел в перекат, разрывая дистанцию, но чей-то кнут захлестнул ему руку, дернул, а Роськин ломающийся голос предупредил:

— Не убью, но обезножишь!

И все! Подступающее бешенство вдруг сменилось холодной решимостью, пронзительной ясностью и легкостью, как тогда, рядом с Аристархом, у дома Нинеи. Мишка единым взглядом охватил все: Антона, готового нажать на спуск, Арсения с растерянным (вот удивительно!) лицом, Роську, целящегося из самострела в ноги Егору, стоящего рядом с Роськой Дмитрия с кнутом в руке, набегающих опричников, которым Дмитрий жестом давал команду на окружение... Даже солнечные блики на оружии, паутинку на ветке куста, какие-то травинки, прилипшие к сапогу Дмитрия.

Понял, что отроки уже давно слышали разговор на повышенных тонах и готовы исполнить любой приказ. Ощутил свою правоту: надо действовать именно так, и никак иначе. И услышал голос!

Даже не сразу понял, что говорит сам. Не было такого голоса ни у Мишки Лисовина, ни у Михаила Ратникова — кажется, и негромко, но слышат все; кажется, и не приказываешь, но не подчиниться невозможно:

— Я, сотник Лисовин, боярской волей беру все на себя! Будет так, как сказал я! Несогласные — прочь! Противящиеся — да умрут!

Егор попытался выдернуть кнут из руки Дмитрия, Арсений пробормотал что-то про «белены объелся», но отроки шевельнули самострелами... Ох, как они ими шевельнули! Мишке только бровью повести, и не станет ни Егора, ни Арсения, ни прочих.

Казалось бы, ну сколько может продолжаться эта немая сцена? Сколько можно вот так стоять в напряжении? Однако Мишка нисколько не сомневался: сколько нужно, столько и простоят; а нужно столько, чтобы Егор... нет, не сломался бы — такого, как он, хрен сломаешь — но понял и признал бы: командир может быть только один, но здесь и сейчас командир не он. Уверенность в том, что это получится, была полнейшая, прямо-таки железобетонная, но...

Разрешил все Савелий Молчун, от которого сутками можно было не услышать ни единого слова. Слицом, имеющим, кажется, только два выражения — мрачное и никакое, во всех обстоятельствах он вел себя так, будто в любой момент может повернуться и уйти; и выражался, если все же приходилось говорить, предельно коротко и, как правило, либо ругательно, либо просто негативно.

Вот этот самый Савелий и вышел из-за спин опричников. Неспешным шагом (если бы не разбитые Веселухой губы, то, наверное, еще и посвистывал бы) продефилировал между отроками, пробурчав в сторону направленных на него самострелов что-то вроде «не балуй», вышел в центр образованного опричниками круга, окинул мизансцену почти равнодушным взглядом, повернулся к Егору и, слегка пожимая плечами, будто признавая очевидное и неизбежное, констатировал:

— Лисовин...

— Ага, вот и я говорю... — подхватил Арсений, и хотя не продолжил фразу, но напряжение разом спало. Егор, расслабившись, принялся сматывать с руки конец кнута; Дмитрий, не сопротивляясь, ослабил натяжение, Роська

убрал пальцы со спуска самострела, опричники с заметным облегчением начали переминаться с ноги на ногу...

*«Во дает мужик! Одним словом! Вот тебе и молчун. А Арсений-то проговорился: обсуждали они вас, сэр, между собой, и не раз обсуждали. Эх, послушать бы те разговоры...»*

Савелий, все так же неспешно, даже как-то скучающе, развернулся к Мишке и сделал приглашающий жест, — мол, приказывай, сотник. Мишка, с трудом удержавшись от благодарственного кивка, заговорил приказным тоном (но НЕ ТОТ уже был голос, увы, не тот):

— Слушай приказ! Охранять пленных остается поручик Демьян...

Мишка выдавал чеканные фразы, а сам краем уха улавливал доносящееся из-за спины: «А чего же они тогда...» — сдержанный рык Фаддея Чумы и «Д-д-да обожди т-ты...», вымучиваемое Дормидонтом Заикой. Ратники Егора тоже были готовы. Вот только к чему?

Первый пункт Мишкиного плана не реализовался: разведчики Якова дозорных в лесу не нашли. То ли их и не было, что маловероятно, то ли хорошо спрятались и не решились себя обнаруживать, что неприятно, ибо придется внимательно следить за тылом. Выслушав присланного от Якова отрока, Мишка поколебался, но решил ничего не менять — не так уж много могло быть в дозоре людей.

— Передай уряднику Якову: выдвинуться с разведчиками к дому, но из леса не выходить. Укрыться и смотреть в оба, чтобы нам в спину не ударили.

— Слушаюсь, господин сотник!

Мишка с нарочитой неторопливостью подошел к нервно перебирающему ногами Зверю, поднялся в седло и недовольным тоном пробурчал:

— Чего в кучу сбились? Урядники, разделить десятки! Дмитрий, Артемий, куда смотрите?

Можно было бы и не ворчать, но мальчишек следовало остудить: они так и рвались вперед.

Дождавшись отчетливого разделения опричников на

две группы, Мишка удовлетворенно кивнул искомандовал:

— Неспешно... Дмитрий, своих придерживай. За мной, вперед!

На опушке леса их встретил отрок из десятка разведчиков.

— Ну что там? — нетерпеливо спросил Мишка.

— Все тихо, господин сотник.

— Первый десяток, щиты на руку! — Мишке захотелось еще раз повторить все, что говорилось на инструктаже, но он сдержался. — Артемий, в доме лучники могут быть, поосторожней там. Командуй давай.

— Второй десяток! — Артемий приподнялся на стременах. — Стрелять с седла... Товсь! За мной, галопом... Вперед!

Скакать от опушки до дома — всего ничего. Отроки спешили, прижались к стенам, двое принялись собирать поводья коней, чтобы отвести их в сторону. В доме пока никакого шевеления не обозначилось, хотя не слышать конского топота там не могли.

— Знак десятнику Егору! — не отрывая глаз от опричников Артемия, скомандовал Мишка.

Снова конский топот, но теперь уже более внушительный: основные силы Мишкиной сотни выдвинулись к опушке леса так, чтобы отразить нападение с любой стороны.

Егора после признания за Мишкой права командовать как подменили. Десятник, будто почувствовав облегчение от того, что скинул с себя ответственность за всю операцию, сомнениями больше не мучился, а толково и конструктивно включился в обсуждение деталей предложенного плана. И сейчас именно он со своим десятком возглавлял «группу прикрытия». Теперь ненайденных дозорных можно не опасаться: с такой силой связываться не станут, предпочтут отсидеться или смыться по-тихому.

Отроки второго десятка подсадили двоих товарищей на крышу. Ничего сложного — край низкий, рукой достать. Вот провалиться внутрь можно запросто, однако ребята

действовали точно по инструкции: распластались, словно на тонком льду, и только убедившись, что держатся прочно, принялись прорубать дыры в заросшем мхом покрытии.

*«Вот сейчас переполох в доме поднялся! Снаружи копыта стучат, крышу ломают, и не понять ничего — кто, что, откуда? Волоковое окошко низко, стрелять неудобно, да и не в кого, ребята не подставляются. Остается дверь. Ну-ну...»*

— Господин сотник, с того берега знак подали!

Мишка обернулся. Над противоположным берегом косо уходила в небо стрела, оставляя за собой дымный хвост.

*«Быстро дозорный среагировал. У него что же, огонь заранее разведен? Выстрелил вверх по течению, значит, основные силы укрыты там, оттуда и надо ждать нападения... Ничего, Егор это тоже видит, сам сообразит, а для нас сейчас главное — дом».*

Артемий подобрался к двери. Собственно, самой двери и не было — то ли сгнила, то ли вышибли когда-то, и вход в дом завесили какой-то шкурой. Она шевельнулась, и Артемий тут же выстрелил сквозь нее. Попал или не попал, непонятно, но больше выйти никто не пытался.

Дыры в крыше прорубили, и из обеих тут же вылетело по стреле, но бесполезно — отроки на фоне неба не маячили. Снизу им передали туески с дымовухой.

*«Ну, Кузькина «химия» в дело пошла».*

Туески полетели в прорубленные отверстия и одновременно в волоковое окошко. С того места, где находился Мишка, он не видел, но и в окошко, находящееся с противоположной стороны дома, тоже должна была залететь такая же «дымовая шашка». Ее, правда, почти сразу выкинули наружу, но один из отроков тут же выстрелил внутрь дома.

— Куда? Там же дети! — шепотом выкрикнул Дмитрий.

— Спокойно, Мить, стреляет — значит, видит куда. Стоим, ждем. Артюха свое дело знает.

Выброшенную из дома дымовуху снова закинули внутрь, и один из отроков закрыл окошко своим щитом,

подперев его плечом. Отверстия, пробитые в крыше, тоже накрыли щитами.

*«Ну, вот так, значит. Сразу дымовухи они не загасят, так что там у них сейчас темно, смрадно, детишки пищат, бабы верещат... Нет, правильно, что известь добавлять не стали — совсем уж травить людей не требуется. Вылезете, никуда не денетесь, это вам не больница в Буденновске...»*

Мишка обернулся к отрокам, зафиксировал взглядом каждого. Напряженные позы, руки, вцепившиеся в поводья и оружие... Лиц под бармицами не видно, но наверняка каждый — как натянутая струна.

— А ну, спокойнее! Пальцы расслабить, а то сейчас сок из самострелов выдавите. Спины, шеи, дыхание... Забыли, чему учены? Смотрите, ребята все верно делают, вот и нам так же надлежит. Ты! Чего коня зря дергаешь? Ты! Как самострел держишь? Ну-ка, всем негромко, но отчетливо прочесть «Отче наш»!

Отроки невнятно забубнили под бармицами, и Мишка вновь обернулся к дому. В окно и отверстия в крыше полетела еще одна партия дымовух. Изнутри донесся шум, но вместо ожидаемого плача детей и женских голосов раздались мужские крики. Кто-то невидимый сорвал шкуру, закрывающую дверной проем, и оттуда потянуло дымом. День выдался пасмурный и тихий, но в этот момент пахнул легкий ветерок. Дым вдруг всосало в дверь и выдуло из-под застрехи крыши.

*«Ну да, дом-то по-черному топится... Нет, не задохнутся, но вылезать наружу придется... или на полу улягутся? И будут лежать — ждать подмоги? Не хотелось бы ребят внутрь посылать, там у входа наверняка затаились... Сейчас все решится — либо один сценарий, либо второй... Есть! Получилось!»*

В дверном проеме показалась женщина... не одна — позади нее виднелся мужчина, одной рукой удерживающий пленницу поперек туловища, а другой приставивший ей к горлу нож.

— Оружие наземь! Бросай, я сказал!

*«Голос уверенный, без истерики... тем лучше. Ну, Артюша, не подведи, ты же у нас артист...»*

— Исполнять! — Распоряжение Артемия прозвучало вовсе не как команда, а как крик испуганного и растерянного мальчишки.

Отроки еще попятнулись, кто-то опустил самострел, кто-то нет.

— Наземь, сказано! Зарежу княгиню!

— Бросайте! — с натуральной слезой в голосе возопил Артемий. Мишка поморщился — не переигрывает ли? Ладно, на испуг спишут — пацан же.

Отроки наконец повиновались. В точности так, как это делалось на занятиях в учебной усадьбе: болты остались наложенными на стволы, самострелы легли на землю аккуратно, так, чтобы либо подхватить и тут же выстрелить, либо самому упасть и стрелять лежа с последующим перекатом в сторону.

— Отойти назад. Дальше!.. Еще дальше!

*«Опытный, сволочь, соображает...»*

Террорист (а Мишка про себя назвал похитителей именно террористами) вытолкал пленницу наружу, и сразу же в дверном проеме появился следующий, точно так же прикрываясь женщиной с приставленным к горлу ножом, потом третий, с ребенком на руках.

Все это настолько напоминало многократно виденное в кино ТАМ, что Мишка чуть глаза не протер, но тут же разолился на себя — а что удивительного? ТЕ приемы и хватки не на пустом месте, надо думать, родились.

*«Ну, падлы... мертвым позавидуете! Я вам устрою...»*

Всего террористов оказалось шестеро, у каждого по заложнику — две женщины и четверо детей разного возраста. Вслед последнему из дома с криком кинулась еще какая-то женщина, но он ударом ноги зашвырнул ее обратно.

С трудом заставляя себя говорить спокойно, не повышая голоса, Мишка обратился к отрокам первого десятка:

— Ну? Все всё помнят? Если сделаем правильно, то и княжью семью спасем, и сами целы останемся. Митя,



медленно, шагом, подъезжаем, расходясь и выбирая цели...

— Да знаю я, Минь...

— Ты-то знаешь. За ребятами присматривай, мне сейчас не до того будет.

— Сделаем... Слушай мою команду! Медленно, без резких движений... С Богом! За мной.

Зверь, повинувшись всаднику, выходил прямо на главаря, шедшего первым. Тот еще издали закричал:

— Стоять! Зарежу княгиню!

Мишка не реагировал, неспешно ехал дальше, краем глаза отслеживая действия отроков. Пока все шло, как надо.

Главарь еще пару раз выкрикнул угрозы, но Мишка остановил Зверя, когда между ними осталось меньше десятка шагов.

— Я убью ее! — в очередной раз проорал террорист.

— А я тебя, — как можно бесстрастнее отозвался Мишка и угрожающе повел самострелом.

— Это княгиня! — не унимался главарь. — С вас за нее спросят...

— Не спросят. Мы не здешние. Режь и готовься...

*«Вот так. Тебе ж не княгиню грохнуть надо, а самому выжить хочется. «Аллах акбар», ты, надо понимать, тоже кричать не будешь и вообще к такому повороту событий не готов».*

— Все равно!.. Ответишь! — В голосе главаря поубавилось уверенности.

— Ну, хорошо. Чего ты хочешь?

Мишка демонстративно положил самострел поперек седла, вроде бы отводя его от террориста, находящегося прямо перед ним, а на самом деле направляя оружие на другого, который прикрывался девочкой лет двенадцати. Отроки один за другим повторили Мишкино движение. Под неявным прицелом оказались все шестеро, но ЗДЕСЬ таких фокусов знать не могли — и к самострелам непривычны, и по телевизору всяких выкрутасов не посмотрелись.

— Пропустите нас к ладье и дайте уйти! — выдвинул условие главарь. — И все будут целы.

— И где ж твоя ладья? — Мишка сам удивился тому, как миролюбиво звучит его голос. — Куда пропустить-то?

— Ладья сейчас будет. Мы идем к берегу, и не дай бог, кто-то из вас нам в спину выстрелить попробует...

— Много хочешь. Ц-ц-ц... — Мишка поцокал языком, словно возмущаясь наглости главаря, но на самом деле подавая сигнал. Зверь, услышав цоканье, замер неподвижно: хозяин собирается стрелять, и до щелчка тетивы шевелиться нельзя. Отроки тоже зацокали языками, а от дома раздался голос:

— Господин сотник, мы здесь!

Главарь, в отличие от своих поделльников, на голос не обернулся — опытный и нервы крепкие, но на это особо и не рассчитывали. Щелчки выстрелов почти слились в один звук. Тот, в кого целился Мишка, получил болт в локтевой сгиб руки, державшей оружие, выронил нож и начал оседать на подгибающихся ногах, цепляясь за пленницу; видимо, из-за болевого шока от перебитого болтом локтевого сустава лишился сознания. Опричники не подвели: по болту, а то и по два получили все шестеро террористов. Кто-то упал, кто-то схватился за искалеченную руку, двое или трое орали от боли.

К княгине кинулся Дмитрий, а Мишка послал Зверя к девчонке (княжне?), которая, кажется, собралась падать вместе с цепляющимся за нее молодым парнем. Картинно взмахнув мечом («шоу маст гоу он» — а вдруг и вправду княжна?), Мишка ударил террориста плашмя по голове (не дай бог княжну кровью забрызгать), лихо соскочил с коня и попытался подхватить девицу на руки. Не получилось — левая рука хоть и зажала вроде, а тут подвела. Чувствуя, что вот-вот выронит девчонку, он опустил ее в «рыцарскую» позу и усадил ее на выставленное колено.

*«Вот черт, чуть всю романтику не изгадил! Витязь в сверкающих доспехах поражает злодея, берет княжну на*

*руки и... роняет задницей на землю. Шарман!.. Хорош стебаться, сэр, дел полно! Витязь, блин...»*

Мишка торопливо обвел взглядом происходящее перед домом. Одни отроки оглядывались, настороженно поводя по сторонам взведенными самострелами, другие вязали раненых террористов. Впрочем, на периферии зрения мелькнула рука с кистенем, значит, не только вязали, но и добивали. Дмитрий помогал подняться с земли княгине, в дом никто не заходил, а ведь Артемий со вторым десятком обязан был его зачистить; возле стены происходила какая-то непонятная суета. Явно требовалось командирское вмешательство, а тут «то ли княжна, то ли нет» якорем повисла, не желая выбираться из обморока.

Легкое похлопывание ладонью по щекам должного воздействия не возымело, и Мишка, воздержавшись от применения более радикальных средств, потащил девицу к стене дома, чтобы пристроить ее на завалинке. Не дотащил совсем чуть-чуть: из двери с нечленораздельными воплями выскочили две женщины и кинулись к перепуганным, вопящим во все горло княжатам, а следом за ними выскользнул какой-то типчик весьма растрепанного вида, безоружный, и дернул вдоль стены, явно намереваясь скрыться за углом.

Мишка со своей ношей оказался у него на пути и прямо-таки всей кожей почувствовал, что если кто-то из отроков вздумает стрелять в беглеца, то может запросто грохнуть своего сотника, оказавшегося на линии выстрела. Надо было что-то срочно делать. Бросить девицу и выпустить на волю кистень Мишка никак не успевал, меч валялся в стороне, а типчик, оглядываясь назад, сам того не замечая, пер прямо на них с девицей.

Пришлось импровизировать, благо боевая рукавица, сброшенная с руки (ну не хлестать же ею девчонку по щекам), так и лежала на коленях у девицы, каким-то чудом не свалилась, пока тащил. Ее-то Мишка и запустил в голову типчика. Получилось удачно: иногда бегущего человека достаточно лишь слегка толкнуть, чтобы тот потерял равновесие, а тут сильно брошенная увесистая рукавица

ударила в лицо тыльной стороной, прикрытой кольчугой, у типчика подвернулась нога, тело повело в сторону, и он с маху влип в стену дома. И тут же, словно обрадовавшись представившейся возможности, в него ударили сразу четыре болта. На Мишку плеснуло кровью, и даже, кажется, ошметками мозга (вот и старайся девицу не забрызгать), «княжна, или как там ее» вдруг очнулась, вцепилась, ломая ногти, в Мишкину кольчугу и тоже завопила.

*«Да мать же вашу всех... Филиал хора Пятницкого в сумасшедшем доме! Оглохнуть можно!»*

Мишка попытался встать, но девица вцепилась как бульдог и не отпускала; кинул с надеждой взгляд на Дмитрия, но тому, похоже, приходилось ничуть не легче, чем его сотнику. Старшина Младшей стражи беспомощно топтался возле княгини, которая все никак не могла отнять своего самого младшего ребенка у «террориста». Раненый тать сидел на земле, похоже, в полубессознательном состоянии и не падал на спину только потому, что княгиня Агафья тянула на себя ребенка, которого тать крепко прижимал к груди левой рукой. Дмитрий, никогда не терявшийся в бою, сейчас сам на себя не походил: сунулся помогать, но вместо благодарности получил от княгини удар локтем, сопровождаемый еще и каким-то ругательным восклицанием. Отшатнулся, растерянно переступил с ноги на ногу и снова полез помогать.

Агафья, отчаявшись отнять свое дитя у злодея, позволила тому упасть на спину, а потом, с громогласным «пся крев!!!», врезала ногой по голове, словно футболист, пробивающий пенальти. «Террорист» сразу же расслабился, если вообще не помер, и княгиня наконец подхватила орущего ребенка на руки.

*«Мне показалось, сэр, или ее светлость действительно ругнулась по-польски? Дурдом, ей-богу! Еще и эти разбегались...»*

Выскочившие из дома женщины (не иначе, няньки княжских отпрысков) ринулись к освобожденным из рук «террористов» детям. Но если младший мальчик сам потянулся к ним навстречу, то старший, извернувшись, побе-

жал к матери. Кто-то из отроков попытался перехватить его, но пацан и тут сумел вывернуться. И при этом продолжал вопить, словно в штыковую атаку шел!

Молодая баба, которую «террористы» вывели из дома следом за княгиней, вдруг пала на колени и ее начало мучительно тошнить прямо на сапоги одного из отроков. Тот испуганно шарахнулся в сторону, а потом заскочил сбоку и ухватил за плечи, стараясь поднять страдальицу на ноги. Женщина, сотрясаемая приступами рвоты, лишь мотала головой и вяло отмахивалась от растерянного помощника.

*«Токсикоз... Наверное, та самая беременная Соломония. Как бы с ней чего на нервной почве...»*

Крики, суета, бестолковщина... И отроки, похоже, совсем растерялись, не хуже Дмитрия.

*«Мальчишки! Нет, надо же — в бою воины, а тут бабы их своим визгом... Или именно то, что княгиню узрели, так их всех из колеи выбило? Нет, натаскивать их еще и натаскивать».*

У Мишки аж челюсти свело от желания взять в руки что-нибудь длинномерное, вроде весла или оглобли, да единым махом навести порядок. Ощущая себя штангистом на помосте (мало полуторапудового доспеха, так еще и девица повисла — не отдерешь), Мишка крикнул, поднялся на ноги, выпрямился и заорал, стараясь перекрыть гвалт, уместный больше на коммунальной кухне или в женской бане, нежели на поле боя:

— А ну!!! Всем молча-а...

Какой позор! Подростковые голосовые связки устроили своему хозяину гнусную подлянку, и господин сотник «дал петуха», сорвавшись чуть ли не на дискант. Тут же захотелось кого-нибудь убить или застрелиться самому, спасибо, урядники выручили — мгновенно отрепетовали команду, да столь дружно и грозно, что даже один дитенок заткнулся, не говоря уже о взрослых.

Возникшей паузой раньше Мишки воспользовалась княгиня. Обернувшись к все еще топчущемуся около нее

Дмитрию, она рявкнула прямо-таки фельдфебельским тоном:

— А вы кто такие?!

Старшина Младшей стражи вместо ответа зачем-то принялся стягивать с головы шлем, а Мишка с какой-то отстраненной безнадежностью ощутил, что всеобщее сумасшествие продолжает усугубляться: вопрос княгиня задала по-польски.

— Т-туровские мы, матушка княгиня... — пробормотал Дмитрий, избавившись от шлема<sup>1</sup>.

— Так вас Вячеслав прислал? — продолжила допрос Агафья.

— Н-нет... мы сами...

— Слушай мою команду! — осторожно подал голос Мишка. Получилось сипловато и неубедительно. — Поручик Артемий!

— Здесь, господин сотник!

— Проверить дом!

— Слушаюсь, господин сотник!

— Старшина Дмит...

— Пан Лис!!! — неожиданно взвела повисшая на Мишке девица. — Там раненые в доме!!! Не веди убива-а-ать!!!  
*«Какие еще раненые? Стоп! Она сказала «пан Лис»? Да что ж тут творится-то?»*

Это было последней каплей. Мишку наконец прорвало:

— Митька!!! В бога, душу, гроб, мать ети... Прекратить бардак!!! Баб убр-рать!!! Детей с ними... куда хочешь...

— Слушаюсь, господин сотник!!! — Дмитрий отозвался даже не с облегчением, а прямо-таки с ликованием — наконец-то есть четкая команда, и понятно, что нужно делать. — Козлодуи! Совсем службу забыли? Ослы иерихонские!!! Я вас сейчас за тайные места потрогаю! Так потрогаю!.. — Митька не командовал — пел, самозабвенно и восторженно. — Урядник Андрей!

— Здесь, господин старшина!

---

<sup>1</sup> В те времена все славяне вполне понимали друг друга без переводчика — диалекты разных племен еще не разошлись так далеко, как сейчас.

— Первая пятерка, вязать татей! Второй пятерке — по-вязанных татей стаскивать вон туда, а убитых туда! После проверки дома всех баб и детей внутрь!

— Слушаюсь, господин старшина!

— Урядник Яков! — подхватил почти таким же тоном Мишка. — Где этот гребаный Яшка? Ко мне, немедленно!

— Здесь я, господин сотник!

— Одного человека на дерево, следить за рекой! — Мишка легко, не задумываясь, смахнул с себя «то ли княжну, то ли не княжну» (няньки на девицу даже не оглянулись), да и какая, к хренам, куртуазность в этом бедламе?

— Так уже, господин сотник. Сидят двое, смотрят.

— Лекаря Матвея сюда! Где он пропадает, так его рас-так?! Сам за лесом не забывай следить, их дозорные где-то там схоронились!

— Слушаюсь, господин сотник!

Ох, как сразу полегчало на душе! Общее движение перед домом приобрело некую целенаправленность и даже упорядоченность, команды урядников легко забили детские пiski и женские... всякие звуки, все стало понятно и предсказуемо. Мишка впервые в жизни, как говорится, «всем нутром» ощутил, сколь милее мужскому сердцу четкий воинский порядок по сравнению со штатской бестолковостью. Просто праздник какой-то!

Увы, праздник оказался недолог. По правде сказать, так и вовсе до обидного краток. Длился он ровно столько времени, сколько понадобилось княгине Агафье, чтобы подозвать к себе одну из нянек, сдать ей с рук на руки младшего ребенка, отцепить от подола и передать под надзор той же няньке старшего, упереть руки в бока, обвести окружающих грозным взглядом и...

И началось! Младшая дружина Погорынского войска во главе с сотником, старшиной и урядниками узнала о себе много нового, совершенно неожиданного и отчасти даже парадоксального. И то, что распоследние дураки

чуть не перестреляли детей, и то, что князь Вячеслав не придумал ничего лучше, как прислать каких-то сопляков безмозглых, и что «не хрен было ляхами притворяться, коли вы туровские» (Мишка от такого чуть не сел), и то, что всем «спасителям драным» надо уши оборвать и задницы перепороть... Много, в общем, всякого.

Матушку княгиню несло, как, впрочем, и любую бабу, разряжающую на окружающих напряжение пережитого ужаса. Будь она послабее характером, сидела бы сейчас на земле, умываясь слезами или в полном отупении, неспособная подняться на разом ослабевшие ноги. Но Агафья, надо понимать, не из слабых — Мономахова кровь. Голос ее наверняка слышали аж на другом берегу реки, а проскальзывавшие в нем визгливо-истеричные ноты вполне компенсировались гармонично включаемыми в монолог вставками «непереводимой игры слов с использованием местных идиоматических выражений». Покрутилась, видать, Агафьюшка в юные годы возле конюшен и дружинной избы.

Как-то так складывалась у княгини логика выступления, что не воины ее из полона спасли, а дрянные мальчишки, не спросившись у мамки, усвистали гулять, стырили где-то оружие да и набезобразничали так, что в приличной семье их за такое не только розгами поучили бы, а и всем, что под руку подвернулось.

Вокруг Агафьи очень быстро образовалось пустое пространство: отроки явно боялись приближаться к грозной бабе, и княгиня, не прерывая монолога, принялась оглядываться, похоже, выбирая персональный объект атаки. То ли для того, чтобы избавить ребят от ее наезда, то ли желая смыться подальше от девицы, снова заскулившей «пан Лис...» и норовящей ухватиться за своего спасителя (он и сам не понял), Мишка двинулся к Агафье.

Простейшим, но действенным средством для женщин, пребывающих в таком состоянии, является добротная оплеуха. Потом можно дать чего-нибудь попить — кому-то хватает обычной воды, а кому-то требуется и чего-то покрепче. Лупить княгиню на глазах у всех было не-



льзя, «чего-то покрепче» тоже под рукой не имелось, и Мишка пошел другим путем. Подскочил сзади и, якобы стараясь заботливо подхватить княгинюшку под локоток, быстро, коротко и почти незаметно для окружающих ударил разошедшуюся бабу под коленки. Агафья, уже перешедшая к риторическим вопросам типа: «Кто здесь старший?», «Да есть ли тут хоть один зрелый муж?» и вообще «Вы о чем думали, недоноски?» — от неожиданности ахнула и, прервавшись на полуслове, села на пятки. Мишка нагнулся над ней, словно желая помочь, одной рукой придавил, не давая подняться, а локтем другой, очень поставившись, чтобы со стороны никто ничего не разглядел, двинул по затылку.

Княгиня заткнулась окончательно, даже, кажется, лязгнула зубами, а Мишка, склонившись к ее уху, прошипел не то, что ХОТЕЛОСЬ сказать, а то, что НАДО:

— Невместно княгине, как простой бабе! Отроки вперые княгиню близко видят, что подумают?

— А-а... А? — невразумительно, но именно в той тональности, что и требовалось, отозвалась Агафья.

*«Ага, подействовало! Вечное бабье проклятие: «Как я выгляжу, и что обо мне подумают?» Ну а теперь «добывающий в голову»:*

— Боярыне Соломонии дурно, как бы не опросталась... негоже на глазах у мальчишек!

— А? — во второй раз это «а?» прозвучало уже вполне осмысленно.

Мишка, кивком подозвав на помощь ближайшего отрока, подхватил княгиню, утвердил на ногах и развернул в сторону стоящей на четвереньках Соломонии. Агафья почти сразу зафиксировала взглядом свою боярыню, повела плечами, чтобы избавиться от поддерживающих рук и поспешно шагнула к ней:

— Соломушка....

*«О как! Соломушка. Видать, не просто сенная боярыня, а в ближницах ходит, если не в подружках».*

Княгиня попыталась помочь боярыне подняться, не смогла и снова заорала, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Да помогите же кто-нибудь, обалдуи!

Мишка знаком подозвал двух ближайших отроков, а Агафья уже орала на одну из нянек:

— Иди в дом! Приготовь там... — Обернулась к быстро и надежно осточертевшей Мишке девице и добавила: — А ты чего расселась? Помоги ей!

Нянька торопливо сунулась к двери, но вдруг взвизгнула и шарахнулась в сторону, едва не сбив с ног субтильную «то ли княжну». Из дома, сопя и отдуваясь, отроки второго десятка выносили окровавленный труп со вспоротым животом.

*«Вот и верь после этого рыцарским романам... Кровь, грязь, бабьи истерики, сопливые детишки, бардак, слезы, трупы, на сапоги наблевали... Романтика, туды ее в лютни, арфы и прочий бардовский инструмент... А когда это мы, позвольте полюбопытствовать, сэр, ляхами притворялись?»*

— Митька!!! — Мишка не сразу нашел глазами старшину, и пришлось орать.

— Здесь я! — Дмитрий обнаружился почему-то за спиной.

— Давай быстренько всех в дом! Слышал, этот говорил, ладыя сейчас подойдет, значит, подмога недалеко.

— Так там Артюха еще не закончил.

— Плевать! Раз убитых выносят, значит, опасности уже нет. Давай, давай, быстро! Бабу эту тащите, сама идти не может, нянек с детьми гоните, не жалейте!

С дерева, на котором укрылся следящий за рекой разведчик, раздался свист.

— Бегом, мать вашу всех, в титьки, в пятки... — Мишка уже не кричал, а хрипел сорванными связками. — Сейчас тут стрелы полетят, быстрее!!!

Быстрее не получилось: понукаемые отроками женщины столкнулись в дверях с ребятами Артемия, вытаскивающими из дома еще один труп. Покойника, естественно,

уронили на пороге, нянька с ребенком на руках наступить ногой на убитого не решилась, остальные уперлись ей в спину, детишки с бабами снова принялись драть глотки. Классическая картина штурма электрички в дачный сезон!

Мишка, содрогаясь то ли от ярости, то ли от страха, несколько раз оглянулся на реку, но ничего не увидел — все заслоняли камыши, а вот конные, во главе с Егором вымахнувшие из-за деревьев, с высоты седел, видимо, что-то разглядели и ухватились за луки.

Поймав за плечо ближайшего отрока, Мишка просипел ему (голос сел окончательно):

— Кричи!

— А-а-а!!!

— Да не так, дурень! Кричи то, что я скажу!

*«Блин, ну прямо фильм «Волга-Волга»!»*

— Кричи: слушай мою команду! Баб к стене...

— Слушай мою команду!!! — завопил отрок. — Баб к стене!!!

— Посадить на землю... прикрыть щитами... стоять плотно...

Отрок, надрываясь, репетовал Мишкины команды, около стены дома образовалась воющая на разные голоса куча-мала, которая постепенно покрывалась чешуей щитов, из леса один за другим продолжали вылетать на рысях всадники, возглавляемые Егором.

Мишка перекинул щит со спины, опустился на колено и, всем телом ощущая, как мал легкий вязовый щит, попытался прикрыть им и себя и все еще стоявшего спиной к реке отрока. Не успел он как следует утвердиться на одном колене, как сразу с двух сторон его подперли плечами и два щита легли краями внахлест на его собственный, а еще два прикрыли сверху — опричники не бросили своего сотника в одиночестве под обстрелом.

По счастью, с ладьи не могли разглядеть толпу у стены дома — мешали береговые заросли, зато всадники, возвышавшиеся в седлах, оказались на виду. Однако стрелы с реки почему-то не прилетели. Мишка просто не верил

своим глазам: судя по направлению, в котором стреляли из луков Егор и его люди, ладя с подмогой быстро (по скорости чувствовалось, что гребут «отрывая руки») миновала плес и ушла вниз по течению, даже не попытавшись выручить своих. Всадники, ведомые Егором и его людьми, тоже повернули коней вниз по течению и быстро скрылись в лесу.

Мишка расслабленно опустил щит и с трудом удержался, чтобы не усесться на землю.

— Митька, ты чего сам сюда выперся? Послать никого не мог?

— Сейчас, Минь, мы всех в дом быстренько... там, похоже, проветрилось уже. — Дмитрий, не отвечая на вопрос, попытался переключить своего сотника на другую тему.

— Да не надо уже... кхк-кхе... — горло жгло изнутри, словно наперченное. — Мотьку... скорее... кхе-кхе...

— Да вон он! Подходит!

Мишка только махнул рукой, отсылая Дмитрия: издавать хоть какие-то звуки было просто страшно. Так и ходил некоторое время возле дома, толкая иногда то одного отрока, то другого и указывая рукой на обнаруженный беспорядок. Пригодился-таки опыт Андрея Немого, да и отроки, натренированные тем же Немым, быстро соображали, чего хочет от них сотник.

Матвей сначала поискал, нет ли раненых среди своих, потом занялся выжившими «террористами». Мишка тронул его за плечо и, наклонившись к уху, прошептал:

— Там баба беременная... и еще одной... ногой в живот дали...

— Так я с бабами... того... не умею, Минь.

Мишка вместо ответа дал лекарю подзатыльник и указал рукой на дом.

— Да иду, иду уже... А с тобой-то чего? Голос...

Мишка топнул ногой и снова указал на дом.

— Да чего ты сердитый-то такой? Хорошо же все, ни убитых, ни раненых... Иду, иду...